

DOI: 10.14515/monitoring.2014.4.11
УДК 303.425.6(470+571)+929Федоров

Б.З. Докторов

ФЕДОРОВ В.В.: «ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЛИЧНЫХ ОПРОСОВ В РОССИИ НЕПРЕРЫВНО ПАДАЕТ, ПОЛСТЕРАМ ПОРА ПЕРЕХОДИТЬ К НОВЫМ МЕТОДАМ ИССЛЕДОВАНИЯ»¹

Еще год назад я даже не планировал бы проведение интервью с Валерием Валерьевичем Федоровым, так как он не входил в совокупность социологов, в которой я искал своих будущих собеседников. Однако летом 2013 г. я понял, что шестое поколение советских/российских социологов, которое образуют те, кто родился в 1971–1982 гг., уже достаточно зрелое, и пришло время говорить с его представителями. Особый интерес к этой возрастной страте профессионалов (и будущих профессионалов) заключается в том, что все вместе они образуют первое поколение собственно российских социологов. Допускаю, что кто-либо из них успел поработать в социологическом коллективе до лета 1991 г., когда распался СССР, но в любом случае стаж их работы в советское время был весьма незначителен.

Валерий Федоров, который с осени 2003 г. возглавляет Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), — один из наиболее известных в стране и за рубежом представителей рассматриваемой когорты социологов и полстеров. Он часто комментирует результаты опросов по российским центральным телеканалам, интервью с ним нередко публикуются в прессе, он регулярно выступает с докладами о состоянии общественного мнения в России на крупнейших отечественных и зарубежных научных форумах.

Валерий Федоров — публичная фигура, и отдельные факты его биографии легко найти в Интернете. Но в этом интервью, состоявшемся в первой половине 2014 г., он подробно рассказывает не только о себе, но и о деятельности ВЦИОМ, и об изучении общественного мнения в России в целом.

Борис Докторов

Валерий, давайте начнем с самого начала: где и когда вы родились и выросли?

Мои предки по обеим линиям родом из Тверской области. Я родился в Твери в 1974 г., но через полгода был увезен в Крым, где мое рождение официально и зарегистрировали. С этой историей связан некий казус: если бы меня зарегистрировали, как и положено, в Твери, то после развала СССР я бы автоматически стал гражданином Российской Федерации. Но этого не произошло, и после учебы в университете мне пришлось принимать гражданство РФ специально. До этого же 5 лет я прожил апатридом, с временной московской пропиской-

¹ Интервью приводится в авторской редакции.

регистрацией по учебе, со всеми вытекающими плюсами и минусами: без загранпаспорта, но и без необходимости учиться на военной кафедре, чтобы не служить в армии.

Вы родились в Твери... там же и школу окончили или жили в разных городах?

Всю жизнь до 16 лет я прожил в Керчи, с небольшими перерывами на гостение у бабушки-дедушки в Твери. Ходил в школу № 1 имени партизана-героя Володи Дубинина, она считалась лучшей в городе, с преподаванием английского с первого класса. В 1989 г., когда повсюду уже шла школьная реформа, на базе школы № 3 создали лицей с углубленным преподаванием истории и литературы, и на последние два года я перешел туда. Мама же у меня преподавала русский и литературу в школе № 6, с ее ребятами я тоже тесно общался, так что, можно сказать, учился в трех школах, но в одном городе.

Вузов в Керчи не было, так что выбор, где продолжать обучение, был довольно широкий: Симферополь — наш областной центр, Киев — столица нашей республики и, конечно, Москва. Побывав за последние два года школы по несколько раз в каждом из этих городов, я довольно быстро нацелился на Москву.

Насчет профессии было несколько вариантов: больше всего хотелось пойти в дипломаты, рассматривались также философия, история и, в меньшей степени, переводческая работа.

По мере приближения к поступлению стало понятно, что мой текущий уровень языка, увы, исключает и дипломатию, и переводы, так что я подал документы на философский факультет МГУ и факультет архивного дела Историко-архивного института (теперь — Российский государственный гуманитарный университет), благо это был первый год, когда разрешили поступать одновременно в несколько вузов.

Под воздействием каких обстоятельств у подростка в Керчи возникла ориентация на столь амбициозные профессии: дипломат, переводчик? Откуда интерес к философии, ведь такого предмета нет в школьной программе?

Видимо, дело в том, что я стал рано и много читать, благо оба родителя это дело тоже любили и исправно пополняли домашнюю библиотеку то трехтомным «Дипломатическим словарем», то очередной книжкой из академической серии «Философское наследие»... А примерно с 1988–1989 гг. меня, как и практически всех советских людей в то время, стала особенно интересовать политика. До тех пор слушать международные новости было интереснее, чем внутренние, а тут все поменялось. Так что и в философии, и в дипломатии меня стали привлекать прежде всего политические аспекты: не Гуссерль и Хайдеггер, а Аристотель и Шмитт, и не кадровые бюрократы от дипломатии, а талантливые переговорщики и интриганы типа Меттерниха и Талейрана.

Нацеливаясь на дипломатическую или переводческую деятельность, задумываясь о получении философского образования, Вы должны были проявить определенную общественную активность. Но, похоже, комсомол уже прекращал свою деятельность?

В 1989–1990 гг. начались какие-то трепыхания, и в нашем крымском комсомоле, куда меня, как и всех сверстников, конечно же, приняли. Я был избран делегатом сначала на областную конференцию, затем в Киев на съезд комсомола Украины, где стал членом ЦК того,

что называлось ЛКСМУ–МДС (Ленинский коммунистический союз молодежи Украины — Молодежь за демократический социализм). Это были времена, когда уже в воздухе носились идеи отделения Украины от Союза, западные области активно пытались перевербовать все украинские отделения общесоюзных организаций. Ровно это же происходило с украинским комсомолом — кстати, в нынешних событиях в Киеве регулярно встречаю в новостях своих тогдашних комсомольских вождей, которые дружным строем шагнули в ряды украинских самостийников.

...Итак, в 1991 г. Вы подали документы на философский факультет МГУ и факультет архивного дела нынешнего РГГУ, какое это имело продолжение?

Экзамены в оба вуза проходили параллельно, последний экзамен в МГУ был на несколько дней раньше последнего экзамена в РГГУ. Я понял, что набираю проходной на философский и на последний экзамен в РГГУ уже не пошел. Так я поступил в МГУ, и жизнь моя оказалась определена на несколько десятилетий вперед.

Из трех отделений — политического, религиозного и собственно философского — я выбрал политическое. Если смотреть объективно, это было самое слабое отделение на факультете — оно всего год как преобразилось в отделение политических наук из отделения «науки о том, чего нет», т.е. научного коммунизма. Преподавателям приходилось перестраиваться на ходу, у кого-то это получалось, но чаще не очень.

Но были, к счастью, и другие преподаватели — историки, историки философии, социальные психологи, логики, которые делали свою работу отлично. Их было много, некоторые и сейчас преподают на нашем факультете. К сожалению, систематического образования в сфере политической науки тогда в России получить было просто негде. Сегодня, четверть века спустя, ситуация стала лучше, но тогда все, чему мы научились, либо было весьма оторвано от жизни, либо... мы этому научились не в университете, а за его пределами. Благо, как раз в этот момент складывалась современная российская политическая система, и тот, кому это было интересно, мог наблюдать за этим с максимально близкого расстояния, а при желании и сам участвовать в процессе.

У нас на курсе образовалось твердое ядро ребят, которые пришли не за «корочками», а потому, что политика как сфера изучения и применения своих сил была им по-настоящему важна и интересна. Десяток, а то и больше, из общего числа в 32 человека, связали свою жизнь с политикой, политической наукой, государственной службой, медиа. Процент, на мой взгляд, выдающийся! Сегодня среди моих однокашников — руководители медиахолдингов, аналитических центров, политические консультанты. С учетом слабой постановки на тогдашнем факультете политического обучения каждый пробивался сам — в основном через практику, которую организовывали преподаватели. Кто-то стажировался в только что созданной Государственной Думе, кто-то работал в партийных штабах на выборах, кто-то в газетных редакциях. А мы с моим близким другом Лешей Чеснаковым, который поступил к нам после так называемого рабфака (он был постарше и прошел трудную школу жизни в виде армейского стройбата), пошли работать по объявлению в Институт массовых политических движений Российско-Американского университета (ИМПД РАУ). И задержались там, точнее, в коллективе, который тогда работал в ИМПД, а затем уже в других стенах, надолго — я лично на 12 лет.

Чем занимался (занимается) Институт массовых политических движений РАУ? Понятно, что за 12 лет Вам пришлось, скорее всего, работать по различной тематике. Как в целом ее можно охарактеризовать? Вас больше привлекали теоретические поиски или прикладные политические исследования?

Наши отцы-основатели в 1988 г. выпустили книжку «Неформальная Россия», которая стала первым исследованием той густой и пока мутной массы, из которой со временем вышли российские партии и политические движения. В ИМПД главным проектом было издание многотомного сборника документов новых партий, образовавшихся после отмены шестой статьи Конституции СССР. А чтобы издавать документы, их сначала нужно было собрать. Сбором занимались так называемые корреспонденты, одним из которых стал я.

Мне поручили работу с левым сектором — анархистами, коммунистами, эсдеками. Нужно было с ними познакомиться, объяснить, чем мы занимаемся, наладить контакт и получить доступ к партийным документам и материалам. Для этого следовало ходить на так называемые тусовки — сходки, встречи, конференции, съезды, митинги. Вот этой полевой работой я и занимался два года. Постепенно набирался опыта и знаний и к концу этого периода уже писал информационные справки о партиях в электронный справочник — базу данных, который ИМПД стал формировать и предлагать на рынке.

Какую специализацию избрали, по какой теме делали дипломную работу?

Я специализировался по кафедре истории социально-политических учений (до 1991 г. — истории социалистических учений, разумеется), начал с изучения работ Джона Стюарта Милля, потом перешел к Алексису де Токвилю и закончил Олвином Тоффлером. Последние два мыслителя имеют непосредственное отношение к социологической традиции — так, по сути, и началось мое знакомство с социологией. Приличных курсов по этой дисциплине у нас на факультете, увы, не было — возможно, это связано с тем, что незадолго перед этим в МГУ сформировался отдельный, социологический факультет. Проблема, связанная с историей мысли, известна: кого изучаешь, тому и доверяешь. Так что мои университетские годы во многом связаны с постижением социально-либерального учения Милля, теорией демократии и революции по Токвилю и тоффлеровским постиндустриализмом — все они оказали на мои взгляды несомненное влияние.

Похоже, Вы и Ваши однокашники были первыми в России специалистами, получившими политологическое образование. Допускаю, что спрос на вас был немалым. Чем Вы далее занимались в ИМПД? Не пробовали искать место в РАН или, наоборот, в новых партийных структурах?

С РАН мы начали сотрудничать в 1996 г., конкретно — с институтом Геннадия Васильевича Осипова, под нас там был образован Центр социальной информации, я позже, в начале нулевых годов, даже пару лет им руководил. Там и познакомился с Виктором Левашовым, Вячеславом Локосовым и рядом других серьезных исследователей. Но темп и формат работы академического учреждения сильно контрастировал с той школой, которую пришлось пройти в ИМПД, а чуть позже — в Центре политической конъюнктуры России (ЦПКР).

Центр образовался в конце 1992 г. из коллектива ИМПД и некоторое время сосуществовал с ним, а затем отправился в самостоятельное плавание. Если ИМПД

занимался преимущественно полевой работой, т.е. сбором и публикацией документов новых партий и движений, то ЦПКР сконцентрировался на более высоком переделе — производстве аналитики по актуальным проблемам политического развития. Было еще немного экономики, социалки, проблем СНГ, но главное внимание уделялось все-таки внутренней политике. Березовский и Червяков, вставшие во главе ЦПКР, сформировали аналитическую группу, разработали линейку продуктов, главными из них стали так называемые ситанализы разных масштабов и размерности. Стартовыми заказчиками и потребителями нашей аналитики стали иностранные посольства, немецкие фонды и некоторые отечественные политические деятели, включая работников тогдашних Верховного совета и Центробанка РФ.

Главной проблемой в нашей работе были источники. Прессы было много, она была вся неподцензурная, но дезинформации там зачастую было больше, чем информации. Приходилось учиться проверять и перепроверять данные, сравнивать открытую и закрытую информацию и т.п. Школа была потрясающая, темп работы фантастический, напряжение периодически зашкаливало. Кто-то из коллег не выдерживал этого формата, тем более что с деньгами у центра было туговато... Мне лично удалось справиться со всеми сложностями, так что в ЦПКР я проработал аж 10 лет — с 1993 до 2003 г., начав с позиции младшего научного сотрудника и закончив директором центра.

Березовский и Червяков на основе наработок западной элитологии и собственной информации об устройстве российской политической жизни разработали собственный концептуальный подход. Основным элементом политической реальности согласно этому подходу являлись номенклатурно-политические группы — элитарные образования кланового типа, группировавшиеся вокруг одного или нескольких высокопоставленных политических деятелей и быстро обраставшие финансовой, медийной и силовой периферией. Эти группы имели генетическую или другую связь с основными секторами советской экономики, такими как ТЭК, АПК и ВПК, и представляли в каком-то смысле интересы их руководства в политике.

На такую аналитику был большой спрос со стороны и самих участников политического процесса, и иностранных наблюдателей за ним. И все бы ничего, но однажды, вероятно, в 1997 г., в беседе с Игорем Задориным я услышал от него следующее суждение: элита — это, конечно, важно, но из вашего анализа совершенно выпадают более крупные, масштабные социальные слои и процессы.

Похожую мысль высказывал неоднократно и Николай Кузнецов — видный аналитик и политтехнолог 1990-х гг., с которым мне тоже довелось немало поработать. Он считал, что за элитными деревьями аналитики ЦПКР упорно не видят социального леса и поэтому изучают не более чем рябь на поверхности воды, оставляя вне фокуса безмерно более важные фундаментальные процессы в социуме и культуре. Вот эти два мыслителя и подтолкнули меня лично к попыткам более широкого, нежели предлагает элитология, объяснения российской политической реальности.

ВЦИОМ Вы возглавили в 2003 г. Как это происходило? Кто Вам, тогда совсем молодому политологу без серьезного опыта изучения общественного мнения, предложил эту ответственную и публичную позицию? Были ли сомнения для перехода?

К 2003 г. ВЦИОМ уже многие годы как существовал сам по себе, без руля и без ветрил со стороны учредителя и владельца, каковым всегда было государство — сначала советское, затем российское. Роман с советской властью закончился примерно в 1989 г. — так по крайней мере рассказывает Алексей Левинсон, он считает, что Горбачев разлюбил ВЦИОМ,

когда опросы стали демонстрировать разочарование советских людей в перестроечном курсе. Разлюбил, но финансирования не перекрыл и не упразднил, за что ему большое спасибо.

Затем был роман с новой российской властью — Юрий Левада даже входил в Президентский совет, учрежденный Борисом Ельциным. Но и эти контакты довольно быстро прервались, с 1996 г. неофициальный статус «кремлевского центра» получил Фонд общественного мнения, чьи исследования сильно помогли команде Ельцина выиграть вторые президентские выборы.

Какие-то связи с властями сохранялись — как личные, так и коммерческие (в частности много исследований делалось по заказам Министерства труда и социального развития), но с начала войны в Чечне позиция руководителей и ведущих аналитиков ВЦИОМ по отношению к политике государства эволюционировала во все более критическую. Зато контакты с либеральной оппозицией были весьма интенсивными — и дружескими, и политическими, и финансовыми.

С приходом Путина к власти Кремль постепенно стал возвращать влияние на политические процессы. Роль ВЦИОМа как старейшего и авторитетнейшего центра изучения общественного мнения в этом вопросе невозможно было игнорировать. С учетом статуса центра как сугубо государственного начались попытки наведения мостов, восстановления влияния на политику центра. Сначала сценарий планировался мягкий — без кадровых перестановок, на уровне договоренности об отказе руководства центра от публичной критики властей. Это вызвало сначала глухое, а затем открытое сопротивление Левады и всего коллектива. Был разработан план противодействия возможному перехвату управления: в 2002 г. вциомовцы создали одноименную некоммерческую организацию «Аналитическая служба ВЦИОМ», куда с разрешения Левады стали переводить контракты с заказчиками. В общем обе стороны довольно быстро поняли, что полюбовно разойтись не удастся, и стали ускоренно готовиться к разводу — со всеми обычно сопутствующими этому процессу нервными эмоциями и битьем посуды.

Развод состоялся в 2003 г., поводом (но не причиной) стало включение ВЦИОМа в программу приватизации. Первым этапом ее является акционирование, что предполагало формирование новой структуры управления центра — прежде всего совета директоров. Занималось этим Министерство труда РФ, которое, будучи правопреемником Госкомтруда СССР, курировало ВЦИОМ от государства. Вопрос о руководителе Центра обсуждался в Администрации Президента. Тамашнее Главное управление по внутренней политике рассматривало несколько кандидатур из числа социологов и политических экспертов.

Контекст ситуации был довольно напряженный — на носу были очередные выборы в Государственную Думу, на которых либералы пытались играть свою игру, развивался конфликт государства с одним из главных заказчиков и спонсоров ВЦИОМ — Михаилом Ходорковским. В августе предложение возглавить центр поступило мне. Я был на отдыхе, на пляже в Тунисе, и честно говоря, у меня на осень 2003 г. были совсем другие планы, связанные в основном с консультированием на думских выборах. Но предложение поступило в такой форме, что отказаться было сложно. Подумав, я решил с головой окунуться в этот водоворот страстей. В сентябре Совет директоров назначил меня генеральным директором, я пришел в офис на улице Казакова — и с тех пор вот уже одиннадцатый год работаю во ВЦИОМ.

Какой срок Вам дали на раскачку? Как Вы решали проблемы кадров и сети по сбору данных? Не помню, в те годы Вы использовали личные интервью или САТІ?

Тогда, как и сейчас, главным исследовательским проектом ВЦИОМ был регулярный общенациональный опрос — омнибус, мы называем его «Экспресс». При Леваде он проводился раз в месяц, и так продолжалось до января 2005 г., когда мы перевели его в еженедельный режим. Опрос квартирный, телефонная технология в ее нынешнем виде по разным причинам не дает адекватного результата, если дело идет об общенациональном опросе с обширной анкетой и разными, в том числе довольно сложными, видами вопросов. Мы одно время экспериментировали с телефонным омнибусом, но сочли это решение пока не подходящим для целей «Экспресса». Сейчас тестируем планшеты для интервьюеров, хотим заменить ими традиционные бумажные анкеты, но сам тип опроса остается прежним, квартирным.

Таким образом, в 2003 г. времени на раскачку у нас было всего ничего, примерно недели две, чтобы не пропустить очередную, сентябрьскую, волну омнибуса. Было непросто, но... «Нет задач невыполнимых!» Волна прошла, и постепенно, за несколько месяцев, удалось выстроить работающий исследовательский конвейер, благо новая команда ВЦИОМ состояла из людей молодых, энергичных и работающих. Хотя и не во всем опытных. Зато смешно было читать потом на всяких компроматных сайтах и в подметных письмах, что якобы «Федоров проводит опросы силами агентов ФСБ».

Давно, 27 июня 2000 г. в ходе нашего интервью Георгий Сатаров, который в течение трех лет был помощником президента Бориса Ельцина по политическим вопросам, сказал: «Уважающие себя фирмы не будут врать, им это профессионально невыгодно». Он имел в виду, что исследователи общественного мнения, работающие на высшие эталоны власти, должны давать наверх не ожидаемую верхами информацию, а правильную. Как Вы думаете, почему СМИ нередко говорят о полстерах, в том числе и о ВЦИОМ, что они «подкручивают» данные, чтобы все смотрелось «как надо»?

Есть три серьезнейших ограничителя, не позволяющих полстерам фальсифицировать данные. Во-первых, конкуренция — на нашем профессиональном поле монополии нет и не предвидится. Во-вторых, профессиональная этика — наше сообщество не очень обширное, но очень активно общающееся друг с другом и дискутирующее не только на методические, но и на моральные темы. В-третьих, каждая фабрика опросов — это действительно фабрика, людей на ней работает много, возможностей для утечек масса, так что попытки фальсификации рано или поздно становятся достоянием гласности и портят репутацию фирмы. А рынок наш достаточно зрелый, репутация на нем дорогого стоит, и фальсифицировать данные для одного заказчика — значит в потенциале лишиться других. Все руководители полстерских фирм, несмотря на различие в политических предпочтениях и выборе заказчиков, это хорошо понимают.

Конфликты между разными профессиональными сообществами — дело обычное. К тому же журналисты, как и полстеры, бывают разные. Одним журналистам интересно разобраться в опросном деле, они много и увлеченно общаются с полстерами и, как результат, не делают грубых ошибок и не выдвигают бездоказательных обвинений в наш адрес. Таких, увы, немного — профессионалов в нынешних СМИ вообще немного, на мой взгляд. Скажем, Георгий Ильичев писал на темы опросов в «Известиях» и, позднее, «Новой газете» — делал это страстно, но умно. К сожалению, год назад он ушел из жизни...

Большинство же журналистов не заморачиваются изучением законов и принципов опросного дела, поэтому от них можно ждать чего угодно — и (случайно) удачного материала, и — тоже случайно — полной ерунды, от просто неверной интерпретации данных до фантазмагорических измышлений о том, «кому это выгодно» и «кто девушку танцует».

Есть и третья категория журналистов — в основном это колумнисты, публицисты — кто имеет твердую антиполстерскую позицию: все, что вы публикуете, ничего общего с действительностью не имеет, это просто политический заказ, поэтому полстеры, якобы не просто бесполезны, а и вредны, их надо уничтожать.

На следующий день у меня состоялось интервью с создателем и руководителем Фонда «Общественное мнение» Александром Ослоном. Вспоминая годы становления фонда, он рассказал о регулярных семинарах, на которых он рассказывал ведущим сотрудникам Администрации Президента, иногда среди них был и В. Путин, о результатах опросов. Нечто подобное существует в Вашей практике?

Ослон, вероятно, рассказывал о второй половине 1990-х гг., когда работа с опросами в Администрации Президента только ставилась. Тогда, действительно, семинары и обучение были востребованы. Александр Анатольевич выполнил великую роль евангелизатора госчиновников, рассказал им, что такое опросы и зачем они нужны. Я возглавил ВЦИОМ, когда эпоха уже была другой: объяснять, зачем нужны опросы, подчиненным Владислава Суркова было не нужно. Так что в нулевых годах обучение такого типа сошло на нет. Но возобновилось в последние два года, после смены руководства политического блока АП. Вячеслав Володин делает большую ставку на обучение чиновников, тем более что среди них много новых лиц. Ослон и я с удовольствием участвуем в этом деле, поскольку тем самым цивилизуем, образовываем и растим, по сути, своих будущих клиентов.

Кто ваши клиенты? Каков характер их деятельности? В частности есть ли среди них партии, и вообще партии изучают мнение населения, электората? Есть ли среди клиентов электронные СМИ, пресса? Занимается ли ВЦИОМ маркетинговыми исследованиями?

Попытаюсь описать несколько наиболее распространенных типов наших заказчиков. Первый тип: политик, вписанный в систему власти, ему нужны выборные рейтинги и прогнозы. Второй тип: чиновник федерального правительства, озабоченный общественным резонансом от деятельности своего ведомства и выполнением поставленных ему целевых показателей (а среди них часто встречаются те, что можно измерить только опросами). Третий тип: бизнесмен из крупной российской, часто государственной компании, корпорации, озабоченный оптимизацией коммерческой стратегии, лояльностью персонала, отношением к своей компании населения территорий ее присутствия и проч.

Можно было бы продолжить, но... Все остальные заказчики для нас — скорее исключения, чем типичные случаи. Почему так? Давайте прикинем, откуда могут прийти новые клиенты. Начнем с политики. Партийная система России сегодня, увы, скорее мертва, чем жива. Попытка ее перезапуска, начатая в 2011–2012 гг., не привела к появлению сколько-нибудь серьезных новых игроков. Старые партии прочно сидят на местах, выражая интересы не столько своих избирателей, сколько Кремля и собственных вождей — это, собственно, и позволяет им сохраняться на политической сцене так долго.

Даже правящая партия субъектом политической борьбы является лишь де-юре, но не де-факто. Скорее она — приводной ремень, инструмент, но лишь один из многих. Она не субстанциальна, а функциональна.

Поэтому на федеральном уровне заказчик может быть, по сути, только один — это Кремль. Конечно, он един во многих лицах, и даже в советскую эпоху система была «однопартийная, но многоподъездная» — так что некоторый люфт есть, но не более того. Больше пространства для маневра на региональном и локальном уровнях, да и конкуренции там тоже больше — а исследовательских бюджетов, увы, существенно меньше.

Кстати, иностранное финансирование политических исследований существенно сократилось в последние годы, во многом в результате принятия закона об иностранных агентах. Какие-то исследования проводятся, но скорее эпизодически, а не регулярно.

Неполитические исследования — более плюралистичная сфера, тут нет монополии (ситуации одного заказчика). Скажу больше: по объему этот рынок превышает рынок политических исследований примерно в 10 раз или даже больше. Но наши позиции на нем сильно уступают таким глобальным фирмам, как ТНС, ИпсосСинновейтКомкон, ГФК. Это касается и рынка медиаизмерений, и маркетинговых исследований.

Как видите, при всем богатстве выбора потенциальных заказчиков не так уж и много. Впрочем, это не мешает ВЦИОМу расти с темпом 25–30% в год на протяжении уже длительного времени. Ведь там, где один видит проблему, другой усматривает возможность. Наша команда — как раз из таких.

В одной из своих книг М.К. Горшков отмечал существование двух десятков определений общественного мнения. Похоже, что это вызвано не только политическими, идеологическими различиями их авторов, но и временем рождения этих дефиниций. Менялись страна, характер СМИ, аудитория, население. Но были две основные конкурирующие точки зрения на природу общественного мнения: А.К. Уледов трактовал его как монистическое образование, Б.А. Грушин — как плюралистическое. Каким в этом плане является современное общественное мнение россиян? Допускаю, что в различных нишах функционирования общественного мнения наблюдаются разные тренды.

Как говорится, нет ничего практичнее хорошей теории! И современная история нашей страны дает массу материала для размышлений на эти темы. Возьмем только последний год: примерно до февраля 2014 г. наше общественное мнение демонстрировало все черты плюралистичности: база поддержки Владимира Путина и его консервативного курса составляла около 60% избирателей, причем эту группа медленно, но неуклонно сокращалась. Пропутинское большинство поддерживало инициативы по «закручиванию гаек», «национализации элиты», символическому противостоянию Западу, усилению влияния Русской православной церкви, утверждению так называемых традиционных моральных ценностей. Меньшинство, примерно 20–25%, оценивало и Путина, и его курс негативно, хотя и не могло ни противопоставить ему идейную альтернативу, ни нащупать на политической сцене фигуры, которых могло бы поддержать как конкурентов действующей власти.

Все поменялось буквально в течение одного месяца — с середины февраля по середину марта, когда под влиянием событий на Украине и присоединения Крыма вся внутренняя оппозиция Путину просто исчезла, база его поддержки расширилась до экстаических, по выражению Бориса Фирсова, 80–85%. Вокруг президента создалось крымское большинство, говорить о каких-то альтернативах ему стало просто неприлично и

немыслимо, произошла консолидация на патриотической и антизападной основе. Даже внутренние экономические проблемы, такие как инфляция, всегда оказывающая угнетающее воздействие на настроения россиян, сместились на задний план: все показалось ничтожным по сравнению с событиями исторического масштаба, в которые Путин вовлек Россию. О плюрализме тут можно говорить с большой натяжкой — его очаги остались лишь кое-где в виртуальных социальных сетях, в реальной жизни найти кого-нибудь, отрицающего, что теперь «Крым наш», невозможно. Налицо полный монизм...

В общем и целом развитие общественных настроений в последний год, как мне видится, блестяще подтверждает концепцию Михаила Горшкова, увязывающего монистический и плюралистический подходы в единое целое благодаря пониманию общественного мнения как динамического, подвижного и развивающегося явления.

Возможно, мы вернемся к обсуждению некоторых актуальных политических проблем, но сейчас хочу спросить Вас, как, в силу каких обстоятельств ВЦИОМ 4 года назад решил проводить конференции «Продолжая Грушина». В двух последних я принимал участие, но не знаю, как все начиналось.

Каждое дерево нуждается в корнях. Разрыв преемственности в развитии ВЦИОМа, случившийся в 2003 г., мы переживали достаточно болезненно. Поэтому чем более прочно новая команда вставала на ноги в сугубо профессиональном и рыночном смысле, тем более актуальным становился поиск моральных и этических ориентиров в нашей работе. И тут необходимы не только набор заповедей, определяющих, что в нашей работе приемлемо, а что нет (в конце концов роль таких заповедей может играть Кодекс ЭСОМАР), но и фигуры учителей — тех безусловно признаваемых авторитетов не только в профессиональном, но и в моральном смысле, чьи труды, опыт, биография дают потомкам и преемникам столь важный для них пример исследовательского подвижничества и этически выверенного поведения.

Для нашей команды такой фигурой стал Борис Грушин. Не только потому что он одним из первых в отечественной традиции обосновал необходимость и возможность исследования общественного мнения, но и потому, что он, в качестве заместителя директора ВЦИОМ лично создал первую всесоюзную сеть интервьюеров, без которой нельзя было начать регулярные опросы общественного мнения в СССР и России. Таким образом, Грушин — и крупный теоретик опинионики, и ее выдающийся практик. Немаловажным фактором, разумеется, стала огромная роль, которую Грушин сыграл в формировании ВЦИОМ как полстерской организации, без него поставить опросное дело во ВЦИОМе вряд ли бы удалось.

Итак, во второй половине 2009 г. мы во ВЦИОМе, посоветовавшись с рядом уважаемых коллег, прежде всего с Игорем Задориным, решили ежегодно проводить научные конференции, которые называли Грушинскими. Тут же возникла коллизия с журфаком МГУ, на котором Грушин долгое время преподавал социологию и где в этот момент началось проведение собственных Грушинских чтений — тоже ежегодных. Попытка объединить усилия с журфаком успеха не принесла — на мой взгляд, главным образом по причине ярко выраженной «партийности» как исследовательского, так и журналистского сообщества. Если нас традиционно причисляют к охранителям (или даже цепным псам кровавого режима), то журфак проходит по ведомству прогрессистов и либералов-западников. А Запад, как известно, «есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись...» — так считает наш доморощенный Запад.

Как бы то ни было, с 2010 г. мы провели уже 4 Грушинские конференции, взаимодействуя в основном с РАНХИГС (за что отдельное спасибо ректору Владимиру Маю). Они идут, по всем признакам, нарастающим темпом — со все большим количеством участников и мероприятий. Нам интересно заниматься этим и дальше, мы черпаем много интересных мыслей и идей на этих конференциях, теснее работаем с профессиональным сообществом. Надеюсь, и сообщество тоже получает от этого пользу.

Когда Вы защитили кандидатскую? По какой теме?

После университета я поступил в аспирантуру при нашем же философском факультете, планировал писать диссертацию по Олвину Тоффлеру. Но через год умер мой научный руководитель, профессор Николай Бочкарев — светлая ему память! Аспирантуру я тогда не окончил и вернулся к диссертации только через 10 лет. Толчок дал Александр Юльевич Чепуренко с социологического факультета «Вышки» — он предложил ВЦИОМ создать базовую кафедру для налаживания практико-ориентированной подготовки студентов-старшекурсников. Кафедру мы создали, благо к этому времени в «Вышке» были уже аналогичные кафедры ФОМ, Левада-центра и ГфК. Заведовать кафедрой по статусу полагалось мне, но для этого обязательно нужна была научная степень. Так что пришлось пару лет, без отрыва от работы, писать и защищать диссертацию.

Защищался я в 2009 г. у себя на философском факультете МГУ, в ученом совете по политическим наукам, научным руководителем был замечательный Валерий Расторгуев — один из немногих ученых-гуманитариев старшего поколения, которые не только продолжают активную исследовательскую карьеру, но и получили реальный политический опыт. Валерий Николаевич занимается политической философией, в начале 1990-х гг. в Совете Федерации РФ он представлял мою родную Тверскую область. Благодаря работе с Расторгуевым моя довольно-таки прикладная работа значительно обогатилась теоретическими изысками. Финальный вариант ее названия звучал как «Теоретические аспекты изучения электорального поведения россиян в период формирования современной российской государственности», специальность — теория и история политической науки. Речь в диссертации шла о том, как соотносятся эволюция электорального поведения, с одной стороны, социальная трансформация, информационно-коммуникационная революция и перемены в геополитическом положении России, ее роли в мире, с другой. Позже по мотивам диссертации у меня вышла монография «Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян».

Какие общие для всех российских исследователей общественного мнения проблемы Вы могли бы назвать?

Начну с проблемы постоянно падающей эффективности главного нашего исследовательского метода — личных опросов. Мало того что он самый дорогой, так еще и достижимость респондентов с каждым годом снижается, а возможности контроля качества довольно ограничены. Эта проблема существует не только в России, но и на Украине, и в других странах, где face-to-face продолжает доминировать. Выход ищем в двух направлениях. Во-первых, это перевод личных опросов на безбумажную технологию (планшеты) с возможностями геолокации и аудиозаписи — это ускоряет весь технологический цикл, сокращает расходы на печать анкет и последующий ввод данных в компьютер, резко

расширяет возможности контроля качества работы интервьюера. Сложностей с внедрением этой технологии много, и главная — нежелание самих интервьюеров, в большинстве своем женщин среднего и старшего возраста, осваивать планшеты.

Второй путь — развитие телефонных опросов. Этот метод получил мощный импульс благодаря экономическому кризису 2009 г., когда бюджеты заказчиков значительно сократились и полстерам пришлось искать более экономичные методы исследований. С тех пор в России образовалась целая индустрия колл-центров и телефонные опросы в ряде случаев успешно конкурируют с личными. Однако общенациональной телефонной выборке, которая давала бы адекватные данные о политических взглядах респондентов, насколько я знаю, пока построить никому не удалось. Есть сложности с базами телефонных номеров, не всегда удается правильно выдержать соотношение звонков на стационарные телефоны и на мобильники. Сами анкеты приходится делать короче и проще.

Кстати, возможен и третий путь — комбинированные опросы. Я знаю, что в Литве их делает наша уважаемая коллега Раса Алишаускене. В России такой опыт пока отсутствует.

Другой, не менее серьезный вызов связан с кадровым голодом и поколенческим разрывом. Система среднего и высшего образования в России переживает весьма болезненные пертурбации, и сегодня средний выпускник вуза — это молодой человек, который почти ничего не умеет делать, т.е. нуждается в дообучении прямо на рабочем месте, но при этом претендует на весьма приличную зарплату. Иными словами, перебор амбиций — недобор знаний и умений. Тем более что по зарплатам мы не можем соперничать с Газпромом или Роснефтью! Собственно, поэтому и нам, и нашим коллегам приходится интенсифицировать сотрудничество с университетами. Проблема будет только обостряться ввиду демографических факторов — сейчас Россия переживает очередной период сокращения контингента молодежи студенческого возраста, и он продлится еще лет 5–7 как минимум.

Если говорить о более долгосрочных вызовах, то это архаичность и монополизированность отечественной политической системы и массмедиа. Где мало конкуренции, там мало заказчиков, а запросы у них относительно простые и незамысловатые. Попытка перезагрузки политической системы, предпринятая после митингов на Болотной площади, дала лишь ограниченные результаты, так что новых людей с деньгами в политике не прибавилось. Медиа же по-прежнему носят преимущественно кэптивный характер, сами сидят на жесткой смете и ничего не заказывают, кроме собственных рейтингов, которые, в свою очередь, давно уже перестали отвечать реальности, так как делаются на основе устаревшей морально и физически технологии сбора данных.

Последний вызов носит внутренний характер и связан с раздробленностью, партийностью и фракционностью профессионального сообщества. Корень зла здесь, если мне позволено быть откровенным — позиция Левада-центра и Европейского университета, где работает множество талантливых, активно пишущих, весьма не равнодушных к общественной жизни социологов. К сожалению, они ведут себя как самые обыкновенные сектанты, считая, что только им одним открыта высшая истина, а кроме них в России и поговорить не с кем — одни, мол, осколки научного коммунизма и цепные псы кровавого режима. Михаил Соколов несколько лет назад сделал интересное исследование состояния петербургского социологического сообщества, в котором выявил два полюса — условно-западнический и евразийский, где первый полностью игнорирует существование второго, отказывает ему в праве именоваться частью сообщества и т.п. Конечно, никакие поиски истины, никакие профессиональные дискуссии в такой ситуации просто невозможны — они ограничиваются

рамками междусобойчиков, где и так все друг друга знают и наперед могут предсказать, что кто скажет.

Принимая во внимание существование в России значительного числа организаций по изучению общественного мнения, наличие общих проблем, сдерживающих, осложняющих работу аналитиков, необходимость повышения качества опросов, несколько месяцев назад мы с Вами обсуждали идею проведения, возможно, на базе Грушинской конференции, Первого съезда российских полстеров. Как Вы сейчас относитесь к организации подобного форума?

Чтобы эта идея стала материальной силой усилий одного ВЦИОМа, увы, недостаточно. Нужно явно выраженное согласие как минимум «большой тройки», т.е. ВЦИОМ, ФОМ и Левада-центра. Отказ хотя бы одного из трех лидеров, на мой взгляд, во многом обесценит саму идею — это будет объединение не профессионального, а фракционного типа. Но таких у нас и без того предостаточно! Что их множить еще больше... В свое время, когда история Грушинской конференции только начиналась, мы попытались объединить усилия с журфаком МГУ, но наткнулись на стену неприятия. Нам мягко дали понять, что мы «не того цвета кожи», чтобы они с нами сотрудничали. Вот такой вот лощенный атавизм советского принципа партийности в литературе, причем исповедуют его люди, которые себя считают демократами чистой воды, а нас — клеветами авторитарного режима.

Как бы то ни было, зерно, будучи брошено в здоровую почву, рано или поздно даст всходы. Уверен, что профессиональная ассоциация полстеров России имеет право на существование. Мы во ВЦИОМе приложим все усилия для того, чтобы эта идея была реализована.

Как говорят, на этой оптимистической ноте и приостановим нашу беседу. Вернемся к ней через несколько лет. Надеюсь, обсудим, как создавалась Российская ассоциация полстеров, и как она начинала свою деятельность.